

Маркевич Болеслав Михайлович

Типы прошлого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Типы прошлого / Маркевич Болеслав Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 241 с.

ISBN 978-5-519-95444-0

ISBN 978-5-519-95444-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

толкаю, жениться на ней прошу, говорить Крусановъ, пожимая плечами, вѣрь не вѣрь, что мнѣ за дѣло!“ И отвернется все такъ же равнодушно. Тѣмъ не менѣе пущенная имъ утка уже облетѣла всю залу; глядишь, къ юной провинціалкѣ то и дѣло подводить танцоровъ. Толстая маменька, сидящая подлѣ нея, съ выцвѣтшимъ изумрудомъ на брусничнаго отлива шеѣ, даже жмурится отъ сердечнаго умиленія, и подъ конецъ бала protégée Крусанова уже такъ увѣрена въ своемъ успѣхѣ, что прыгаетъ не въ тактъ въ мазуркѣ смѣлѣе лучшей варшавской балетчицы, и такъ лукаво надуетъ губки, и закрывается букетомъ, и пускаетъ изъ-за него косые лучи взглядовъ на своего запыхавшагося кавалера, точно будто научилась она всему этому не у себя дома, въ Алатырскомъ уѣздѣ, а гдѣ-нибудь за рѣшетчатымъ окномъ, подъ темнымъ небомъ Андалузіи. А тайный, невѣдомый ся благодѣтель, все время слѣдившій за ней изъ угла, съ очевидною гордостью, утѣшаетъ съ вечера, на подобіе Тита Милосердаго, довольный своимъ днемъ. „Что же, братецъ, говоритъ онъ,—я свое дѣло сдѣлалъ, путь проложенъ, теперь сама она плыви уже какъ знаетъ....“

II.

— Ну-ка, всевѣдущій человѣкъ, а это кто, и откуда? спросилъ я его однажды, на одномъ очень многолюдномъ балѣ, указывая на высокую, черноволосую дѣвушку, въ бѣломъ съ головы до ногъ, которая только что становилась въ кадрили съ однимъ, въ то время весьма моднымъ, гвардейскимъ кирасиромъ;—тебѣ сегодня, видно, опять предстоитъ забота.

— Гдѣ она, гдѣ? живо спросилъ Крусановъ, наводя на нее свой лорнетъ. Взглянулъ и замолкъ.—Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ наконецъ, поворачиваясь ко мнѣ съ презабавнымъ выраженіемъ досады,—это не по моей части!

— Это почему?

— Да потому что эта, милый мой, не съ родни моимъ степнушкамъ. Это, братецъ мой, Европа! Ты ее сейчасъ въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ вези, такъ она и тамъ сама себя отрекомендуетъ.

— Эге, да ты смотри, я о тебѣ Ольгѣ Николаевнѣ донесу сейчасъ!

Но Крусановъ уже дерзко пробирался за заповѣдную

грава кадрили, чтобы стать поближе къ незнакомой ему дѣвухѣ.

И дѣйствительно, она была поразительно хороша, хороша какою-то необычайною прелестью. Высокая, бѣлая какъ чистѣйшій мраморъ, съ идеально тонкими очертаніями головы и бюста, съ блѣдно голубыми, почти неподвижными глазами, въ которыхъ предстояшіе предметы какъ будто не находили себѣ отраженія, она походила на призракъ какой-то древней богини „неотразимый и роковой....“ Мнѣ въ жизни уже болѣе не случалось встрѣчаться съ подобною красотой....

— Слыхалъ ты про Чемисарова? Богачъ, помѣщикъ, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, въ 12 году еще отличился; такъ это его дочь. Недавно изъ деревни пріѣхали сюда на зиму, доложилъ мнѣ, успѣвшій тѣмъ временемъ все раззнать, Крусановъ.

— Какъ ты думаешь? спросилъ я его:—улыбается она когда-нибудь?

— Повидимому, способности не оказываетъ, отвѣчалъ онъ,—царевна какая-то изъ соннаго царства. Пойду, поищу, нѣтъ ли тутъ какой-нибудь сиротки изъ Бузулука. Хороша эта, хороша, ни слова, только, воля твоя, душа къ ней не лежитъ.

Но я между тѣмъ успѣлъ замѣтить, что она улыбалась, или старалась улыбнуться любезностямъ своего кавалера, и что даже въ этой улыбкѣ было что-то невыразимо маящее, чему непобѣдимымъ опроверженіемъ, казалось, служили ея безучастные и безнадежные глаза.

„На душѣ у этой Изиды что-то не ладно, или я совсѣмъ уже плохой физиономистъ“, подумалъ я.

А между тѣмъ она производила на свѣтскую толпу самое выгодное впечатлѣніе. Эффектъ былъ всеобщій.

— Mais c'est une reine! торжественно изъяснялъ свое мнѣніе князь Никодимъ Ларіоновичъ;—она отъ Гомеровыхъ боговъ въ прямомъ колѣнѣ происходитъ!

И по этому случаю маленькій сановникъ приподнялся даже на каблучкахъ своихъ, точно будто въ эту минуту чувствовалъ себя самъ, и королемъ и Гомеровымъ богомъ.

— Quelle distinction! удивлялась хозяйка дома, княгиня Марѳа Львовна.

— Sa mère est une princesse Kourliatef,—объясняла ей дочь ея Сашенька, прозванная Церерой за мучную бѣлизну ея

блистательныхъ плечъ, Сашенька, для которой идеалъ жизни представлялся чѣмъ-то въ видѣ бесконечно-длинной галлерей, съ тѣснымъ рядомъ каріатидъ по обѣимъ сторонамъ ея; каріатиды всѣ безъ исключенія графы и князья, они ровно ничего не говорятъ ей, а только улыбаются, и она также ничего не говоритъ имъ, а только улыбается направо и налево, да несетъ высоко свои великолѣпныя плечи, и все идетъ, идетъ и улыбается своимъ милымъ каріатидамъ до самой смерти.

— Па маль, па маль, ме ла Катинька э плю пикант, отъзывалась прѣвзжая изъ Воронежа Крезъ-старуха, добродушно кивая единственной наслѣдницѣ своей и племянницѣ, молоденькой и еще жиденькой особѣ, съ смѣлымъ и возбуждательнымъ монгольскимъ личикомъ, на которомъ выражалась несокрушимая увѣренность въ будущіе успѣхи на всѣхъ поприщахъ земнаго счастья.

— C'est une autre Bettina pour un autre Göthe, говорила въ то же время пронзительнымъ и картавымъ голосомъ Эвелина Конрадовна Ятаганова, рожденная Ванкухентъ, обращающаяся къ своей сосѣдкѣ, Елизаветѣ Григорьевнѣ Границыной, не молодой и миловидной женщицѣ, въ очкахъ, съ поблеклыми, но тончайшими, породисто-благородными чертами лица, которая въ эту минуту высыпала на руку табакъ изъ золотого рожка, къ великому скандалу сидѣвшей тутъ же супруги тайнаго совѣтника Подтяжкина, переведеннаго недавно изъ Петербурга сенаторомъ въ Москву.

— Вы скажите мнѣ прежде, бываютъ ли счастливы Беттины? отвѣчала Елизавета Григорьевна, медленно нюхая свой табакъ и съ задумчивымъ участіемъ глядя на дѣвушку, которая обращала на себя всеобщее вниманіе.

Но Эвелина Конрадовна, не слушая ея, продолжала восхищаться и картавить.

— „Въ ней блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой“, восклицала она нараспѣвъ во всеуслышаніе, откидываясь бокомъ на спинку кресла и обдергивая обѣими руками свое хрустящее шелковое платье такъ, какъ будто питала къ нему наслѣдственную вражду. Взгляни на нее мой бѣдный Языковъ, онъ написалъ бы ей дивныя стихи въ родѣ тѣхъ, помните, которые онъ меня еще просилъ исправить;

.... Еслибъ жили

Вы межъ Грековъ, въ оны дни,

Греки бѣ васѣ боготворили,
Вамѣ построили бѣ они
Бѣломраморные храмы,
Золотые алтари,
Гдѣ бѣ курились еуміамы
Отъ зари и до зари!...

Кадриль кончилась. Видимо млѣвущій кирасиръ отвелъ свою даму на мѣсто, но не покидалъ ея и пожиралъ глазами, стоя и наклонивъ къ ней свою гладко обстриженную и лоснящуюся гвардейскую голову.

— Это, сударь мой, тридцатую тысячами дохода пахнетъ, поясняя мнѣ безпощадный Крусановъ, набравшійся тѣмъ временемъ новыхъ справокъ;—безвыѣздно въ деревнѣ живутъ, отецъ дока въ хозяйствѣ и скупердый страшный.

— Извините, вѣжливо произнесъ въ это время подлѣ насъ чей-то голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ. И курчавый морской офицеръ, слегка задѣвъ меня локтемъ, быстро прошмыгнулъ мимо, направляясь въ сторону, гдѣ сидѣла блѣдная красавица.

— Боже мой! чуть не крикнулъ я на всю залу: — ты ли это, Кемскій?

И предо мной внезапно предстали толпою всѣ дорогія воспоминанія моей молодости: и весеннія ночи въ Царскомъ Селѣ, и старикъ Калиничъ, и первые стихи Мея, и слезы капавшія противъ воли по щекамъ этого курчаваго моряка, когда

Съ лицейскаго порога
Онъ на корабль перешагнулъ шута,

какъ нѣкогда Матюшкинъ, и мы всѣмъ курсомъ поѣхали въ воскресный день провожать его въ Кронштадтъ.

Морякъ обернулся; радостное изумленіе выразилось на его лицѣ, онъ пріостановился на мгновеніе, дружески махнулъ мнѣ рукой и живѣе прежняго покатилъ по тому же направленію.

— Ишь, какъ его туда тянетъ, что твой компасъ! смѣясь замѣтилъ Крусановъ;—кто это такой?

— Лицейскій мой товарищъ, Владиміръ Кемскій. Мы съ самаго выпуска не видались.

— Изъ Петербурга теперь, стало-быть?

— Не знаю. Мы разстались съ нимъ восемь лѣтъ тому назадъ. Онъ пошелъ тогда вокругъ свѣта, а за тѣмъ, я слышалъ, перешелъ въ черноморскій флотъ.

— Хорошій флотъ! одобрительно промолвилъ Крусановъ и кивнулъ головой, съ видомъ знатока, хотя опричь московскихъ сплетень, онъ ни о чемъ въ мѣрѣ не имѣлъ никакого понятія.

— Они, видно, старинные знакомые, продолжалъ онъ громко сообщать мнѣ свои заключенія,—не изъ одной ли губерніи, или даже родня? Гляди-ка, гляди, какъ онъ ее за руку ухватилъ, какъ пожимаетъ здорово; вѣдь онъ ей все пальчики отдавить этимъ манеромъ, Лаперузь-то твой, ей Богу! Те, те, те, да нѣтъ ли романа какого? Смотри, наша царевна словно просіяла.

Крусановъ былъ правъ. Внезапное появленіе Кемскаго, казалось, оживило этотъ мраморъ. Губы ея побагровѣли, легкій румянецъ проступилъ сквозь тонкую кожу лица. Даже глаза ея, эти нѣмые глаза, казалось, хотѣли заговорить, но мнѣ вообразилось почему-то, что еслибы точно заговорили они, не радостью, а какимъ-то сокровеннымъ смущеніемъ отвѣчалъ бы ея взглядъ на живой, говорящій взглядъ Кемскаго. Но загорѣвшаяся искра погасла, едва сверкнувъ; глаза ея остались также равнодушны и безучастны.

Онъ сѣлъ между тѣмъ подлѣ нея, видимо отдавшись весь счастію нежданной встрѣчи и не обращая никакого вниманія на окружающую ихъ толпу, на балъ, на свѣтскія приличія. Онъ съ жаромъ ей что-то говорилъ, глядя ей прямо въ глаза и по временамъ сжимая свои густыя брови, будто доискиваясь чего-то въ ея лицѣ и недоумѣвая....

Она слушала, обернувшись къ нему и тихо улыбаясь на его рѣчи, улыбаясь, но не весело, казалось мнѣ опять.

Модный гвардеецъ, такъ изящно занимавшій ее разговоромъ до тѣхъ поръ, изображалъ собой въ эту минуту нѣчто въ родѣ того, какъ еслибъ онъ на войнѣ внезапно наткнулся, въ пылу атаки, на засаду, съ грозящимъ ему изъ-за нея вдесятеро сильнѣйшимъ непріателемъ. Онъ, повидимому, намѣренъ былъ отстоять свою позицію и до трехъ разъ принимался, со всей высоты своей, мѣрять взглядомъ Кемскаго, начиная съ кончика его сапоговъ и до темени. Но все это пропало даромъ. Морякъ мой, очевидно, не видѣлъ его, не подозрѣвалъ его присутствія. Кирасиръ улыбнулся, потянулъ внизъ свои прекрасные длинные усы, и медленно повернувшись на длинныхъ ногахъ, величаво отошелъ прочь, видимо сохранивъ къ себѣ полное уваженіе.

Но Крусановъ былъ иного мнѣнія.

— Обратихся вспять, съ духомъ зѣло сокрушеннымъ, яко вступѣ вознесѣ мольбы своя къ кумиру не внемлющу! прогнусилъ онъ дѣячкомъ ему вслѣдъ, комически качая головой.—Похѣрили, значитъ, аминь. Теперь, братъ, поплыла она на суденышкѣ оснащенномъ, по морю по окіану, къ славну острову Буяну; вѣтеръ дуетъ поддуваетъ, нашъ корабликъ подгоняетъ. Смотрѣть болѣе ничего не осталось; тѣ же и прежніе. Пойдемъ, сыграемъ пультку отъ скуки. Вотъ къ намъ кстати и третій идетъ, Говорило Стаканычъ сердечный, тараканчикъ запечный.

— Не съ тебя ли Грибоѣдовъ Репетилова списалъ, осиплая трещотка, отвѣчалъ ему на это, подходя, Гавріилъ Степановичъ Чесминъ, прелысый, презабавный и предобрѣйшій малый, съ которымъ Крусановъ вѣчно вздорилъ, хотя души въ немъ не чаялъ.

— Бѣда отъ нѣжнаго сердца: водевилъ безъ начала и конца, сочиненіе майора Чесмина, провозгласилъ онъ опять, помирая со смѣха и нисколько не оскорбляясь словами пріятеля.—У чьихъ ногъ лежишь въ настоящее время, отвѣчай, плешандасъ?

— Да намѣренъ на твое мѣсто проситься, къ Ольгѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ пресеріозно Чесминъ.

— Ну, однако, братъ, пожалуста, безъ глупыхъ шутокъ, вспыхнувъ, пробормоталъ Крусановъ и надулся.

Онъ былъ ревнивъ и не допускалъ даже мысли о чѣмъ-нибудь посягательствѣ на то, что давно уже привыкъ считать своею неотъемлемою собственностью.

Мы уѣхали за карты въ дальней комнатѣ.

Партія наша кончалась, какъ подошелъ ко мнѣ Кемскій.

— Я тебя ищу по всему дому, сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку;—ты ужинаешь?

— Никогда.

— И прекрасно. Я предлагаю тебѣ уѣхать вмѣстѣ и не медля.

— Готовъ.

Мы вышли вмѣстѣ на крыльцо.

— Гдѣ ты остановился? спросилъ я.

— На Тверской, тутъ по близости, но мнѣ бы не хотѣлось домой. Съѣздимъ въ Кремль, я еще тамъ не былъ.... Что за дивная ночь!

— Наша, братъ, русская красавица ночь, холодная, да здоровая, сказалъ я, усаживаясь съ нимъ въ сани, съ какимъ-то давно неиспытаннымъ удовольствіемъ: такъ весело было мчаться въ эту ясную зимнюю погоду по скрипучему снѣгу и чувствовать близко себя этого милаго товарища юности....

— Ну, говори, началъ я,—откуда ты,

Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?

— Изъ Камчатки, дружище, прямымъ путемъ. Фрегатъ мы оставили въ Петропавловскѣ, а экипажъ вернулся сухимъ путемъ....

— А сюда пріѣхалъ когда?

— Нынче утромъ. Отъ корридорнаго въ гостиницѣ узналъ, что княгиня Марѳа Львовна даетъ сегодня балъ. Я вспомнилъ, что она мнѣ какою-то тетушкой приходится, перодѣлся и поѣхалъ къ ней съ визитомъ, единственно для того чтобъ она меня на вечеръ свой пригласила,—такъ хотѣлось мнѣ скорѣй людей увидать! Вѣдь я, братъ, одиннадцать мѣсяцевъ выжилъ въ устьяхъ Амура, среди такого дикаго люда, которому географы до сихъ поръ не нашли приличнаго названія.

— И на этомъ балѣ ты уже никакъ не думалъ встрѣтиться....

— Съ тобой? перебилъ меня Кемскій.

— Ни со мной, ни....

— Ни съ Наденькой Чемисаровой, домолвилъ онъ безъ запинки,—нѣтъ. Мнѣ, говорила она, писали въ Иркутскѣ, что они будутъ съ отцомъ въ Москву зимой, но письма этого я не получилъ. И поэтому, скажу тебѣ откровенно, я сегодня такъ счастливъ, какъ еще никогда въ жизни не бывалъ. Да къ тому же эта ночь, и Москва.... Послушай, Мумка, воскликнулъ онъ, припоминая мнѣ мое старое школьное прозвище,—не мѣшай мнѣ только воротникъ шинели, я бы тебя, ей-Богу, укусилъ съ радости!

И онъ залился своимъ добрымъ, поджигающимъ смѣхомъ, отъ котораго бывало шелъ гулъ перекатомъ по всѣмъ людскимъ корридорамъ.

Мы вѣхали въ Кремль. Сіяющая и безмолвная ночь мягко лежала надъ нимъ, надъ необозримою равниной Замоскворѣчья, одѣтою въ серебряную ризу снѣга. Будто повисшіе въ воздухѣ, сверкали въ вышинѣ кресты церквей, озаренные полною луной....

— Къ Благовѣщенскому собору. Стой! закричалъ Кемскій, выскочилъ изъ саней, снялъ киверъ и сталъ набожно креститься.—Годъ тому назадъ, въ Охотскомъ морѣ, настъ прибило штормомъ къ берегу, началъ онъ за тѣмъ,—мы погибли. Три дня и три ночи, подъ страшнымъ прибоемъ, стаскивались мы съ мели. Вѣтеръ не утихалъ, мы потеряли всякую надежду. Матросы надѣли бѣлыя рубахи. Я утомился страшно, опустился у гротъ-мачты и заснулъ какъ убитый. И въ это время мнѣ приснился вотъ этотъ сонъ, промолвилъ онъ, обводя кругомъ рукой,—Кремль съ его святыней, и эта безконечная даль, и въ каждомъ домѣ этотъ огонекъ лампы передъ семейными, старинными иконами.... Я помню, я проснулся тогда весь въ слезахъ; чудныя, братъ, сладкія были эти слезы! Мнѣ не хотѣлось умирать, а въ этомъ снѣ я почерпнулъ какую-то неодолимую надежду въ наше спасеніе. И точно: на зарѣ вѣтеръ перемѣнился противъ всякаго чаянія. И вотъ, какъ видишь, я живу и.... и счастливъ, повторилъ онъ опять.—Оторваться не хочется отсюда, продолжалъ Кемскій, облакачиваясь на рѣшетку, —какая тишь, какая ширь кругомъ! И не правда ли, кажется, что какое-то таинственное, отъ вѣка жданное слово должно сейчасъ сказаться тебѣ отъ этого безмолвія и шири необъятной? Вся наша Русь родная сказала въ этой картинѣ....

— Тебѣ бы не мѣшало съ нашими славянофилами познакомиться, сказалъ я, улыбнувшись,—ты имъ по сердцу придешься.

Онъ обернулся на меня, нахмутивъ брови.

— А они тебѣ смѣшны? Кто же у васъ теперь умникомъ считается?

— По мнѣ умникъ ты, милый мой, сказалъ я, невыразимо завидуя ему въ эту минуту, — для тебя нашлось и дѣло, и смыслъ въ жизни, ты въ свое дѣло вѣришь, вѣришь въ счастье, въ будущее! Не много, братъ, у насъ такихъ....

— Еще бы не вѣрить! Я во все вѣрю, отвѣчалъ онъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ,—въ сны, въ примѣты, чуть не въ домового, и готовъ въ этомъ на Красной площади передъ всей Москвой сознаться. Вотъ развѣ съ вами поживу, опять выучусь стыдиться этого и краснѣть....

— А долго ты съ нами пробудешь? спросилъ я.

— Ну, это не совершенно отъ меня зависитъ, сказалъ онъ, съ цѣлымъ міромъ блаженныхъ надеждъ въ голосѣ и взглядѣ.

— Дай тебѣ Богъ всякаго успѣха! могъ только сказать я ему.— Скажи пожалуйста, ты давно ее знаешь? спросилъ я его на возвратномъ пути изъ Кремля.

— Наденьку? отвѣчалъ онъ.— Я знаю ее съ тѣхъ поръ какъ себя помню и люблю чуть не съ того же времени. Я тебѣ еще въ лицѣ говорилъ о свѣтлоокой дѣвочкѣ. Мы сосѣди по имѣніямъ и родня; по смерти отца моего, отецъ ея былъ моимъ опекуномъ. Ну, словомъ, возьми нѣмецкій романъ, какіе переводили у насъ въ концѣ прошлаго столѣтія, — вотъ тебѣ моя исторія. Вашему брату романтику не надъ чѣмъ тутъ разгуляться.

— Когда же разстались вы въ послѣдній разъ?

— Два года тому назадъ. Я вернулся тогда изъ кругосвѣтнаго путешествія и провелъ шесть мѣсяцевъ у нихъ въ деревнѣ. Наденькѣ минуло въ ту пору осьмнадцать лѣтъ. У насъ еще тогда все было бы, вѣроятно, кончено, какъ вдругъ неожиданно получаю приказаніе явиться на службу. Нечего было дѣлать. Я поскакалъ въ Николаевъ, куда былъ переведенъ по возвращеніи изъ вояжа. Фрегатъ мой посылали въ Англію. Мы думали вернуться къ зимѣ. Не тутъ-то было. Въ Плимутѣ насъ ожидало новое приказаніе: отправляться къ устьямъ Амура. Признаюсь, я отъ тоски чуть съ ума не сошелъ тогда.... Ну, да Богъ милостивъ! Теперь она отъ насъ не отвертится! заключилъ онъ, весело подмигивая мнѣ и кивая головой.

Странное впечатлѣніе производили на меня его слова; похоже это было на то, когда иной разъ привидится тебѣ что-нибудь необыкновенно-радостное, и ты, во снѣ же, говоришь себѣ, что это, можетъ-быть, одинъ только сонъ.

— Замѣчательные глаза у твоего предмета, сказалъ я.

— Не правда ли, какъ она хороша! воскликнулъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Великолепна; но долженъ тебѣ признаться, у нея какіе-то непонятные глаза.

Кемскій расхохотался.

— Ты все тотъ же, Мумка, заговорилъ онъ, — какъ въ тѣ времена, когда носился съ своимъ анализомъ какъ съ дорогимъ нещечкомъ и читалъ намъ по субботамъ мрачные стихи, какъ теперь помню:

Не вѣра ни въ людей, ни въ жизнь, ни въ наслажденье,
Я изнемогъ душой подъ бременемъ сомнѣнья.

и пр. и пр... Что же тебѣ такое особенное понять хочется въ Наденькиныхъ глазахъ?

— Да ничего особеннаго, отвѣчалъ я, признаюсь, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ; его насмѣшка задѣла меня за живое:—а самое простое человѣческое выраженіе, радость или печаль, скуку или удовольствіе....

— А они ничего, по-твоему, не выражаютъ? перебилъ Кемскій.

Отступать уже было поздно, хоть я въ то же время успѣлъ уже сказать себѣ, что попалъ по колѣна въ болото и что сухимъ мнѣ изъ него не выйдти никакъ.

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ; по-моему, они не то что ничего не выражаютъ, а то, что не *хотятъ* ничего выражать.

— Это я еще меньше понимаю, сказалъ Кемскій, уже безъ смѣха.—Нельзя ли объяснить?

Выпутаться не оставалось никакой возможности. Я, что говорится, бракнулъ съ плеча.

— Я, можетъ-быть, ошибаюсь, но мнѣ представляется, что глаза этой дѣвушки какъ будто задержались для міра и ничего не хотятъ видѣть что въ немъ происходитъ....

— Даже и меня? воскликнулъ вдругъ Кемскій съ такою тревогой въ голосъ, что мнѣ стало грустно за него.

— Ты совсѣмъ другое, ты исключеніе, ничего умнѣе не сумѣлъ я возразить для его успокоенія.

Онъ задумался.

— Странно; что за причина?... Я, впрочемъ, не замѣтилъ этого въ ней, промолвилъ онъ и запахнулся плотнѣе въ шинель.

Разговоръ нашъ на этомъ прекратился.

— Прощай, Кемскій, сказалъ я, когда мы остановились у его гостиницы.

Онъ кивнулъ мнѣ головой и молча направился къ дверямъ.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю.... Хочешь завтра пообѣдать вмѣстѣ, предложилъ онъ, какъ бы спохватившись.

— Очень радъ. У Шевалье, въ 5 часовъ.

— Идетъ.

Я уѣхалъ домой весьма недовольный собой, какъ легко можетъ себѣ представить мой догадливый читатель.